

Менталитет как отражение оценочного суждения

«Человек полагает, а Бог располагает»

Проблема понимания добра и зла заботит умы на всем протяжении истории человечества. Она является центральной для религиозно-философской мысли – от теологических до логико-гносеологических, от морально-этических до общенаучных. Понимание добра и зла находит отражение во многих жанрах: максимах, постулатах, изречениях, наставлениях, назиданиях, пословицах и поговорках, транслирующих культурные установки и нравственные законы, здравый смысл и ценностные предпочтения, нормы поведения и морально-этические представления того или иного народа.

Одна из наиболее сложных проблем теории этики как западноевропейской в целом и русской в частности, так и арабо-мусульманской всегда состояла в том, чтобы дать определение этим понятиям, раскрыть их содержание и сформулировать критерий деления моральных проявлений на «добрые» и «злые».

Этика, как и философия в целом, существует в качественном многообразии учений, каждое из которых несет отпечаток своей эпохи, соразмерно друг другу по критерию истины и претендует на общезначимый статус. Среди наиболее часто встречаемых определений такие как: всё то, что «согласно природе», что «доставляет удовольствие», что «соответствует исторической необходимости», что «согласуется с требованиями разума» и др. Эти определения настолько различны по содержанию, что может возникнуть сомнение, действительно ли перечисленные «дефиниенсы» относятся к одному и тому же «дефиниендуму». В зависимости от ответа на этот вопрос ученые-философы обычно типологизировали отдельные направления этической мысли, выделяли различные школы и концепции. Такими наиболее характерными направлениями в этике были: *гедонизм* (представители его связывали понятие о добре и зле с удовольствиями и наслаждениями человека); *эвдемонизм* (где добро выступало как основание человеческого счастья); *утилитаризм* и *прагматизм* (где добро понималось как польза); *рационалистические* – с всесилием человеческого разума; *натуралистические* – с естественной природой человека или более общей проблемой сохранения и продолжения жизни; *теологические* концепции связывали добродетели с проявлением божественной воли; *джабария* – течение в исламе, отрицавшее свободу воли человека; *кадария* – течение в исламе, отстаивавшее свободу воли человека, и др. [8, 19].

В западноевропейской философской мысли доминирует воззрение о том, что добро и зло имеют не метафизический, а нравственный характер, и коренятся в самом человеке: человек двойственен по своей природе. Лишь человеческим измерением может быть определено все происходящее. Афоризм древних гласит: «Человек есть мера всех вещей».

Добро и *зло* как базовые понятия нравственного сознания общества и личности, строго говоря, нельзя определить в рамках самого «практического разума». «Делай добро и избегай зла» – вот моральная максима, рассчитанная на индивида, обладающего автономией воли. Зрелое моральное сознание не дает списка добрых и злых поступков – что такое добро и зло, индивид должен решать сам. «Свободный выбор всегда сопровождается рассуждением; выбор, выражающийся в предпочтении лучшего, предполагает вначале обдумывание, а затем принятие решения» [2, т. 4; 313-314].

Первые упоминания этического содержания на Руси появились с принятием христианства. В XI-XIII вв. в качестве источника моральных поучений использовались тексты Псалтыря, Притчей Соломоновых и Премудрости Соломона, Писания отцов церкви, входившие в состав сборников дидактического и просветительского характера. В них раскрывается сущность человеческого бытия [22; 311].

Древнерусская этическая терминология в России определяется в самостоятельную отрасль философского знания лишь к концу XVII-XVIII столетия. Такие термины как *совесть*, *сознание*, *добродетель* и все слова, начинающиеся с предлога «само» являются словообразовательными кальками с греческого языка. Переводчиками были введены в философский оборот и исконные славянские слова: благо, вина, власть, дух, душа, закон, нрав, смысл и др. [5; 17-73].

Арабо-мусульманская культура не отвергает полностью воззрения античного наследия и всего того, к чему апеллирует мировая философская мысль, впрочем, приоритетное место отводит ценностям духовным [15; 375-378].

Добро и *зло* в арабской этике – категория религиозная*. Аллах – равно источник и добра, и зла. Религиозное сознание, являющееся продуктом божественного предначертания снимает те основания, которые составляют

* Арабская этика изучается в рамках исламского богословия (علم الأخلاق – *Учение о благих делах*). Корень, от которого образован термин – содержит один из 99 эпитетов Аллаха (الخالق – «Творец», «Создатель»). Европейский термин «этика» происходит от греческого «этос» (*нрав, характер*). Аристотель вводит понятие «этика» для обозначения отрасли философии, являющейся учением о нравственной деятельности и добродетелях. Этика имеет основным предметом изучения мораль и нравственность. Термин «мораль» появился в IV в. н.э. в латинском языке, как прямой аналог греческому «этика».

основу в исламском мире для трактовки человека как автономного существа¹. Язык священного текста Корана – идеологическая основа для арабо-мусульманского социокультурного пространства. Божественное Руководство, а не иные источники знаний и рефлексия, формирует критерии истины, систему координат и ценностей. Соблюдение или отступление от них – мерило добра и зла, определяющего степень воздаяния, причем не в этой жизни, а в будущей, то есть после смерти. Кораническая прескрипция ("وكل نفس بما كسبت رهينته") «И каждая душа – заложницей своих деяний будет», египетская и ливанская народные пословицы ("التقى رئيس الأخلاق") «Набожность – первооснова нравственности», ("شر ما رام امرؤ ما لم ينل") «Худшее желание человека то, которое не осуществилось» [11; 3 / ١.٦] – совершенно недвусмысленны.

Ценности являются базовой категорией при построении картины мира, они лежат в основе оценки тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы, качества, события. Конфигурация ценностей определяет культурный тип той или иной общности, морального сознания и нравственной оценки явлений мира, определяющие предпочтительный тип поведения людей, в том числе и на языковом уровне [13; 236].

Ценности и нормы поведения можно разбить на основные четыре группы: суперморальные, моральные, утилитарные и субутилитарные. К первым относятся важнейшие религиозные догматы, определяющие поведение человека по отношению к Богу (Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею. *Библия*; Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад пророк его! *Коран*); ко вторым – поведение человека по отношению к другим людям (Не желай никому того, чего себе не желаешь. Тебе мы поклоняемся и просим помочи! *Коран*); к третьим – поведение человека по отношению к самому себе (Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же. *Буддизм. Дхаммапада*); к четвертым – необходимые условия биологического выживания (Чтобы жить, нужно есть, спать, спастись от холода, огня, диких зверей и т.д.) [9; 165-205, 20; 42-47].

В обыденном общении человек ориентируется на моральные и утилитарные нормы, религиозный же дискурс высвечивает суперморальные нормы как основание для поступка. Причинами часто оказываются конкретные этнокультурные особенности жизни народов, связанные с географией, бытом, историей и т.д., а также спецификой мировоззренческих установок, нравственных принципов, восходящих к ценностным интенциям культуры. Что же касается субутилитарных норм, то они самоочевидны и поэтому не эксплицируются за исключением тех случаев, когда человеку приходится идти на лишения и самопожертвование, т.е. осознанно поступать вопреки этим нормам.

В западных аксиологических типологиях ценности, как правило, представляют собой одноуровневую систему, т.е. ценности материального, экономического, социального и нравственного порядка, и не градуируются по степени значимости. В отечественной же философской мысли (как в концепции Русской идеи, так и в трудах религиозных философов Н.А.Бердяева, И.А.Ильина и др., утверждавшим человека «...безосновно свободным» [4; 160]) определяющая роль отводится ценностям нравственного характера. Тем самым отечественная ценностная концепция в широком обобщении предстает некой лестницей восхождения от материального к духовному, формируя культурные константы национального самосознания [24; 5-7]. Вместе с тем, материально-утилитарные и нравственно-духовные ценности, как и их иерархия или отсутствие таковой, не влияют на целерациональность русской культуры, где доминантой, с известной долей оговорок, все же признается свобода выбора, как в античной, так и в современной общеевропейской культуре в целом [18; 13].

Система ценностей арабо-мусульманского мира – контрастирует. В течение вот уже почти четырнадцати веков Коран оказывал и продолжает оказывать влияние на формирование человеческой личности, играя, в частности, определяющую роль в становлении отношении человека к людям и миру в целом, в формировании норм поведения и общения. Он закрепил результаты длительного процесса перестройки социальной психологии, обеспечив божественной санкцией свое доминирующее положение. Если понятия *добра* и *зла* в русской культуре – категории «умозрительные», то в арабской культуре мерилom является поведенческая норма, детерминированная религиозными установками.

Поведенческие нормы, проецированные на практику представлены тремя основными нормативными системами в рамках исламской традиции: 1) *мурувва*, 2) *асабийя*, 3) *дин*.

Мурувва (مرؤة) – старый арабский термин, которым еще в доисламские времена обозначался набор качеств настоящего мужчины: доблесть, великодушие, щедрость, верность данному слову, красноречие. Носитель этих качеств должен блюсти свою честь и утверждать свое превосходство. Женщины обычно не являются субъектом *муруввы*. В основном они играют роль хранительниц традиционного благочестия. Для мужчин *мурувва* универсальна; следовать ее нормам подобает любому, независимо от его социального происхождения или религиозной принадлежности. Источники *муруввы* – устная традиция, многие образцы классической арабской поэзии и народная повествовательно-сказочная литература (напр., Повести об Антаре, Тысяча и одна ночь, и др.).

Асабийя (عصبية) – понятие, выражающее верность *асабу*, т.е. родству по мужской линии; члены племенного общества подчинялись предписаниям обычного права «адата», утверждавшего принципы взаимопомощи и взаимозависимости. («Преступление – творение всего племени» ("افي الجريمة تشترك العشيرة") – гласит арабская пословица [١٥.٥]). Из этих принципов вытекали обычаи кровомщения, забота о предках и потомках, знание о племенных генеалогиях, уважение к прошлому и к старшим, абсолютный запрет вне- и добрачных связей для женщин и т.д. Обычным правом регулировались также межплеменные отношения (набеги, стычки, разрешение конфликтов и заключение союзов). Многие нормы асабийи действуют до сих пор не только у кочевников, но и у

¹ «Весь Коран состоит как бы из прямой речи Аллаха, обращенной через Мухаммеда к людям» [14; 8].

оседлого населения деревень и городов. *Асабия* обязательна и для женщин, так как подразумевается, что после замужества они сохраняют верность *асабу* отца. Арабская пословица ("العرق دساس"), что в переводе значит: «Порода выдает» (рус. соотв. «Яблоко от яблони не далеко падает») – отражает менталитет арабов, их представления о верности своему роду, происхождению, обычаям и традициям.

Дин (دين) – термин, соединивший арамейско-еврейское понятие «суд, приговор», среднеперсидское «вера» и староарабское «обычай, образ поведения» [17; 61]. Как нормативная система поведения, *дин* – это кодекс поступков верующего, получающих соответствующую нравственную оценку. Поступки мусульманина (у суннитов и шиитов) делятся на пять категорий: 1) *обязательные* (واجب، فرض). Они связаны с исполнением предписаний ислама. Уклонение от них наказуемо и в земной жизни и загробной; 2) *желательные* (مندوب). Среди них – дополнительные молитвы и посты, выполнение обетов и актов милосердия, за что в загробной жизни последует воздаяние; 3) *дозволенные*, или *безразличные* (مباح، جائز). К ним относятся сон, вступление в брак, прием разрешенной пищи и т.д., что не заслуживает ни осуждения, ни одобрения; 4) *неодобряемые поступки* (مكروه), вызванные особой привязанностью к мирским благам. Они нежелательны, но за них не предусмотрено наказание; 5) *запрещенные поступки* (محظور، حرام) наказываются и в этой и будущей жизни [25; 19-40 / ٧].

Главные источники *дина* – священное писание (Коран для мусульман, Библия для христиан) и священное предание (для суннитов – *сунна* и *хадисы*; для шиитов – *ахбар* и *хадисы*, для православных – *патристика* и *решения соборов*, а также различные комментарии к названным группам источников [3; 2000].

В отличие от русской морали, где свобода выбора составляет основу действия, мораль арабская – императивна: так подобает поступать мужчине/женщине, так ведется от предков, так заповедовал Аллах. В исламской культуре такие универсальные понятия как *добро* и *зло* трактуются как *дозволенное* и *запретное*. Арабские словари дают такое обобщенное определение *добра*: «(خير) – это то, что противопоставляется злу; это то, что правильно, полезно, приятно; это – щедрость, честь, благородное происхождение» [١]. *Зло* (شر) – определяется как «недостаток, нехватка добра; как обобщающее имя пороков и грехов, различных дурных поступков» [٢].

Возникновение и распространение ислама вносит определенные коррективы в понимание данных категорий. Следует отметить, что при рассмотрении проблемы соотношения добра и зла мусульманские философы, исследователи Корана и Сунны Пророка обращают свое внимание на изучение именно добродетелей как основы для достижения счастья и благополучия как в земной, так и в загробной жизни. Добро начинает олицетворяться в понятиях философских наряду с мирскими добродетелями – воздержании, мужестве, мудрости, справедливости. Вместе с тем, этого недостаточно, если не сопровождается добродетелями религиозными. По мнению некоторых мусульманских ученых, они более высокого порядка и нацелены на достижение высшего счастья в загробной жизни [12; 108-110]. Народный язык эти высокие материи превратил в доступные разумению для простых людей понятные выражения: ("أجاک الموت یا تارك الصلاة") «Пришла за тобой смерть покинувший молитву», ("تقوى الله سوق لا نبور") «Богобоязнь и благонравие – прибыльное дело» [там же, с.30]. Они свидетельствуют о том, что сложные философские истины, переплавленные в горниле народного мышления, становятся неотъемлемой его частью, мерилом и оценкой поведения в этой жизни.

Среди последних различают *внешние* – (ظاهر) – такие как: выполнение религиозных предписаний и запретов, следование поступкам и делам Пророка, выполнение обязательств перед братьями по исламу. Кроме них, есть и *внутренние* – (باطن). Они связаны с почерпнутым из разума и Откровения знанием о Боге и самом себе, что требует позитивного расположения души, благодаря которому возникает доброе намерение с последующими действиями. Среди этих добродетелей мы находим единобожие, раскаяние, терпение, благодарность, надежду, страх, и, наконец, самую высокую добродетель, по мнению мусульманских теологов и философов – любовь к Богу [там же, с.111-112].

Отступление от этих добродетелей, несоблюдение тех норм, которые входят в понятия (حلال) – *дозволенное* и (حرام) – *запретное*, и есть *зло*, так как в представлениях арабов-мусульман, эти категории относятся не к области человеческой практики, а имеют совершенно четкое «божественное» происхождение, поскольку одним из главнейших принципов, из которых в этом вопросе исходит ислам, является то, что «право разрешать или запрещать принадлежит только Аллаху» [٢٧.٢].

Влияние коранических предписаний, постулатов, суждений на формирование фонда литературного и народно-разговорных арабских языков трудно переоценить. Практически каждый сборник пословиц, содержит паремии, представляющие коранические реминисценции. В основном это обобщенно-назидательные суждения и прескрипции. Сакральность Корана, возвышенность большинства его сюжетов требовали обобщенно-афористических нравоучительных, а также и императивных средств доведения до слушателей и читателей замысла Творца. Напр.: «Не спрашивайте о том, что (может) огорчить вас, если откроется вам» [5:101]; «Вершина мудрости – страх перед Аллахом» [٩٤٤.٤]. С ними перекликаются народные пословицы-наставления: «Прощающий – благороден», или «Прощение от могущества», или «Простить вовремя – признак благородства» [1; 71].

Мир человеческой деятельности, как индивидуальный, так и коллективный, насыщён пронизан ценностями. Формы явного и неявного вхождения ценности в рассуждения человека – многочисленны и разнородны. Слово ценность употребляется не только для обозначения объекта, имеющего положительную или отрицательную значимость для человека или группы лиц, но и для обозначения того социального стандарта, образца, который используется при установлении ценностного отношения [7; 12-13]. Например, моральная оценка, заключенная в суждениях, обладает сложной структурой. Она складывается из оценки мотива, действия и результата. Причем в оценке мотивов, действий и результатов *добро* и *зло* не всегда совпадают: мотив может быть добр, а результат оказаться злым.

Добро и зло – понятия, фиксирующие критерий и основание моральной оценки; контроль в морали фиксируется категорией *совесть*; нормативно-предписательный аспект – категорией *долг*; целеполагание и идеал в морали отражены в категориях *смысл жизни* и *счастье*. Все эти этические категории взаимосвязаны, образуя при этом свою конфигурацию фрагментов ценностной картины мира по содержанию и функциям в гносеологии морали сравниваемых культур. Этническая ментальность формируется жизненным опытом, определяя оценочную деятельность сознания в стратегии поступка. Среди суждений о добре и зле можно найти и правила поведения (народная этика), и основы этноэстетики, традиции и обычаи, народные приметы, являющиеся экспонентами национального менталитета, своеобразной «логикой в популярной форме» [21, 367-368].

Многоликость окружающего мира, отливаясь в речевой деятельности того или иного этноса, предполагает наличие самых разных оценочных коннотаций: объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, истины и не-истины, допустимого или запретного и т.п., и, это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах. Ср.:

Русские суждения	Арабские суждения	(перевод)
«И зло можно выбирать».	"إن لأمر كله لله."	Всякое деяние подвластно Аллаху.
«Виним наше время, а виноваты сами».	"كل نفس بما كسبت رهينة."	Всякая душа – заложница того, что она содеяла.
«Виноватого бог простит, правого царь пожалует».	"راس العقل بعد الإيمان بالله مدارات الناس."	Вершина благоразумия после веры в Аллаха – в умении угождать людям.
«Добро делают не советуясь».	"الخير عند مطراه يلتقي."	Добро встречается неожиданно – негаданно (всё от Аллаха).
«Дорога милостыня во время скудости».	"من يعمل لأزم يلتقي."	Кто делает нужное, тому воздастся.
«За недобрый пойдешь – на беду набредешь».	"من يعمل سوءاً يجز به."	Кто совершит зло, тому злом и воздастся.
«Зла за зло не воздавай».	"فمن يمدح زيدا قد يعتب بكارا."	Кто хвалит Зейда, тот, вероятно, порицает Бекра.
«На милость образца нет».	"إدخر في اليسر ليوم العسر."	Припасай в дни благоденствия на черный день!
«Не за страх, а за совесть».	"إجك الموت يا تارك الصلاة."	Пришла за тобой смерть, оставивший молитву.
«Доброму добрая память».	"إصرف ما في الجيب واعطك ما في الغيب."	Расходи то, что (сегодня) в кармане, – воздастся тебе на том свете.

Не совсем правильно утверждать, что все оценочные суждения стоят в оппозиции *хороший – плохой**. Человек часто оказывается в ситуациях, когда приходится принимать решения, не лежащие в рамках однозначного противостояния добра и зла. Это – решения в условиях выбора между большим и меньшим добром или большим и меньшим злом. Семантический комплекс «хорошо–плохо» принадлежит к разряду градуированных понятий, в которых каждый антоним указывает направление уходящей в противоположные бесконечности шкалы, разделенные осью симметрии. Нарастание одного признака по шкале *добра* и *худы* оборачивается убыванием другого [6; 9].

Среди рассматриваемых суждений, эксплицирующих морально-этические нормы арабской и русской культур, помимо абсолютных оценок (положительной и отрицательной**) можно выделить: этическую, сравнительную, рациональную, иррациональную (религиозную) и др.

Виды оценок

рациональная	религиозная
«Авось и как-нибудь до добра не доведут»	«Всякое деяние подвластно Аллаху» "إن لأمر كله لله"
сравнительная	сравнительная
«Лучше печальная правда, чем радостная ложь»	«Позор долгие жизни» "العار أطول من العمر"
рациональная	религиозная
«До бога высоко, а до царя – далеко»	«Бог тебя накормит, а не твой тяжелый труд» "رزق الله ولا كدك"
религиозная	религиозная
«Бог простит, только вперед не каверзи»	«Мудрость – предмет исканий верующего» "الحكمة ضالة المؤمن"

* В лингвистической и философской литературе выделяются несколько характеристик морально-нравственного оценочного значения, как нормативность оценки, т.е. противопоставление нормативных высказываний описательным; трехзначность оценки (хорошо, нейтрально, плохо); оценочная сопоставимость объектов; асимметричность оценочных знаков, разнородность оценки; сложная структура оценки (оценочная шкала, оценочный стереотип, основание оценки, субъект и объект оценки, оценочные модусы, аксиологические предикаты, мотивировка оценки, эмоционально-интеллектуальная природа оценки и др.).

** Русская поговорка «Яблоко от яблони не далеко откатывается» – имеет отрицательную оценку; ее арабский эквивалент (букв. «Порода выдает») – "العرق دساس" – положительную оценку, отражающую представление арабов о верности своему роду, племени, происхождению. Русская поговорка «Рука руку моет» – имеет отрицательную оценку; ее арабский эквивалент (букв. «Посвети мне, а я высеку тебе огонь») – "أضئ لي إقدح لك" – положительную.

Формы оценок

Формы оценки представляют собой те оценочные формы, которыми располагает язык и, которые изучаются как в сфере традиционной, так и аксиологической лингвистике. В номенклатуру оценочных для сравниваемых языков входят теофорные компоненты, джазовая форма, редупликация в словообразовании, редупликация корня в рамках словосочетания и другие синтаксические структуры. При некоторой схожести этих форм в сопоставляемых парах языков обнаруживается значительное расхождение. Абсолютное большинство форм оценки – пять из шести – в арабском и русском языках не совпадают. Напр.:

	Форма оценки	Примеры
1.	Джазовая форма / криптоформа	«Не торопитесь – и вы будете в порядке» "لا تستعجلوا تسلموا"
2.	Редупликация в словообразовании	«Что посеешь, то пожнешь» "من رش دش"
3.	Редупликация корня в рамках словосочетания	«Беда уже в том, что верят в плохие приметы» "إن الشؤم التثاؤم"
4.	Повтор оценочного слова	«Долг платежом красен» "خير البيوع ناجز بناجز"
5.	Повтор оценочного компонента в качестве «возвращающего местоимения»	«Лучшие из дел – средние» "خير الأمور أوسطها"
6.	Религиозные (теофорные) маркеры	«Лучше бы им быть искренними перед Аллахом» "فلو صدقوا الله لكان خيرا لهم"

Логика оценок

Добро и зло, транслируемые паремиями, априори не могут быть соотнесены с абсолютными оценками, так как сами в некоторой степени являются таковыми. Предполагается, что сущностный признак может быть увязан с логической формулой пословицы как суждения*, позволяющей понять суть, а именно логику, лежащей в основании оценки.

Для выявления сущностных признаков суждений выдвинута гипотеза о том, что они могут быть увязаны с определенной группой модальных операторов, представляющих собой как эксплицитные, так и имплицитные структуры. Среди основных типов суждений, встречаемых в научной литературе можно выделить: алетические (с операторами «необходимо», «случайно», «наверное», «возможно», «невозможно»), деонтические (с операторами «разрешено», «запрещено», «обязательно»), условные (с импликацией «если... то...»), аксиологические («больше», «лучше», «хорошо», «плохо», «полезно», «вредно», «равноценно»), аподиктические /постоянное общее качество/ («все», «всякий», «всегда», «каждый»), ассерторические /экзистенциальные/ и др.

Соотношение типов модальной оценки суждений [10]**

	Русские	Арабские	
◇	«От добра добра не ищут».	(букв. Оставь добро на своем месте!) "دع الحسن في مكانه."	○□
→	«Кто доброе творит, того зло не вредит».	(букв. Оставь зло, и оно тебя оставит!) "أترك الشر يتركك."	○□
∇	«Доброму добрая память».	(букв. Кто делает нужное, тому воздастся.) "من يعمل لازم يلتقي."	○→
∇	«И бога хвалим и грешим».	(букв. Добро и зло всегда идут рука об руку.) "الخير والشر يا الموالاة."	∇
∇	«Злому человеку не прибавит бог веку».	(букв. Пришла за тобой смерть, оставивший молитву.) "أجأك الموت يا تارك الصلاة."	∇
◇>	«Из двух зол выбирают меньшее».	(букв. И во зле есть выбор.) "إن في الشر خيارا."	∃
□	«Плохо не клади, вора в грех не вводи».	(букв. Брошенное имущество учит воровать.) "المال السائب يعلم السرقة."	◇
→	«Взялся за гуж, не говори, что не дюж».	(букв. Кто совершает доброе дело, доводит его до конца.) "من يعمل الخير يكمله."	→
∇	«Злой с лукавым водились, да оба в яму свалились».	(букв. Кто не борется со злом, сам творит зло.) "إن من لا يدفع الظلم يظلم."	→
∇	«Терпение и труд все перетрут».	(букв. Устоять перед запрещенным Аллахом легче, чем перед его наказанием.) "صبرك على محارم الله أيسر من صبرك على عذاب الله."	○>
□◇	«На Бога надейся, а сам не плошай».	(букв. Милосердного /Аллаха/ славь, но и вперед поглядывай.) "أحمد الرحمن أو شوف القدام."	○◇

* В логике: форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат).

** В целях удобства иллюстрации сопоставляемых примеров применяются символы аппарата модальной логики, среди них операторы: *возможно* - ◇, *невозможно* - ∇, *случайно* - Δ, *обязательно* - ○, *запрещено* - З, *разрешено* - Р, *необходимо* - □, *имплицитивная связка* - →, *оценка* - >; *квантор (все)общности* - ∇, *квантор существования* - ∃.

Проблема выбора является предметом изучения и религии, и философии, и аксиологии, и социологии, и этнологии, и этики и др., которые изобилуют как универсальными, так и партикулярными определениями относительно нравственных законов и морального сознания человека. Утверждения о хорошем или плохом, достойном или недостойном не являются истинными или ложными: истина не меняется со временем, понятие же добра и зла имеет разные значения в разные эпохи и в разных обществах. Духовная жизнь сама по себе неоднозначна, а иногда и специфична. Например, критерием свободы выбора в русской культуре, как и в целом в западноевропейской, служит рефлексия и действие; каноны арабской культуры не допускают особых размышлений и вольностей относительно поступка, их (каноны) нужно просто знать и им следовать. Суждения («Как помрешь – ничего с собой не возьмешь» и *"أعمل الخير بأن ألقاه في قبوري"* / букв. «Я делаю добро, чтобы встретить его в могиле» [٣٤.٥]) – подтверждают классическую формулу: «Рациональный Запад – Религиозный Восток».

Литература

1. Амирьянц И.А., Самир ат-Тайяр // Иракский этикет. М., 1988.
2. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1983.
3. Абдалла Нирша. Личность Мусульманина. М., 2000.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека // Опыт парадоксальной этики. М., 2003.
5. Буланин Д.М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Том 1. СПб., 1995.
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
7. Ивин А.А. Аксиология. М., 2006.
8. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
9. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
10. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
11. Ливийские народные пословицы и поговорки / Сост. Ю.Н. Кудрявцев. М., 1988.
12. Накыб аль-Атгас, Сейд Мухаммед. Введение в метафизику ислама. М., 2001.
13. Попков В.В. Двойственность: концепция и структура познавательной модели // Системный подход в современной науке. М., 2004.
14. Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Ислам. М., 1988.
15. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
16. Резван Е.А. Этические представления и этикет в Коране // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
17. Родионов М.А. Мурувва, асабийя, дин: к интерпретации ближневосточного этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
18. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005.
19. Современная философия: словарь и хрестоматия. М., 1995.
20. Степанянц М.Т. Восточная философия. М., 2001.
21. Тищенко К.М. Логіка суджень у прислів'ях басків // Проблеми семантики слова, речення та тексту. Збірник наукових праць. Вип. 9. Київ. 2003.
22. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре древней Руси: опыт философско-антропологического анализа. Дисс. док. философ. наук. СПб., 2001.
23. Черданцева Т.З. Язык и его образы. М., 1977.
24. Шевцова Н.П. Культура как система ценностей (Аксиология в контексте интерпретации культуры Н.А. Бердяева и И.А. Ильина). М., 2004.
25. Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004.

١. الرائد. معجم لغوي عصري. مج. ١-٢. دار العلم للملايين. بيروت، ١٩٧٨. جبران مسعود.
٢. الشيخ أحمد محمد عساف. الحلال والحرام في الإسلام. بيروت، ١٩٧١.
٣. المنجد في اللغة والأعلام. دار المشرق. بيروت، ١٩٨٦.
٤. الميدني. مجمع الأمثال. بيروت، ١٩٧٢.
٥. حنا الفخوري. الحكم والأمثال. القاهرة.
٦. محمود اسماعيل صيني. معجم الأمثال العربية. بيروت، ١٩٩٢.
٧. يوسف القرضاوي. الحلال والحرام في الإسلام. مكتبة وهبة.